

**«МИР – ЭТО БЕЗГРАНИЧНОСТЬ ДУШИ»:
СИМВОЛИЗМ ИНЬ-ЯН В РОМАНЕ ЭМИ ТАН
«СТО ТАЙНЫХ ЧУВСТВ»**

Е.М. Каравеева

Московский государственный институт международных отношений
(университет) МИД России, 119454, г. Москва, проспект Вернадского, 76.

.....

Эми Тан – одна из ярких представительниц современной этнической литературы Америки. В своём третьем романе «Сто тайных чувств» автор рассматривает отношения между сёстрами в широком культурном контексте традиционного философского учения китайцев. Описывая семейную драму в рамках сестринской связи, Тан стремится выяснить, каким образом поколение сохраняет идентичность. Использование образов и символики традиционной китайской культуры (инь и ян) позволяет автору раскрыть характеры своих персонажей и реализовать основную идею романа. Противопоставляя миры инь и ян и сопоставляя рациональные и иррациональные элементы жизни, роман создаёт образ более полного, вечного мира, в котором жизнь человека и его опыт — лишь малая часть целого. Образ голограммы в романе усиливает идею сосуществования, взаимодействия и взаимной зависимости двух точек зрения. Автор ведёт читателя к пониманию менталитета и мироощущения китайцев, в основе которых лежит принцип полярности, а не оппозиции или конфликта.

.....

Ключевые слова: азиато-американская литература, Эми Тан, поиск идентичности, этническое сознание, культурная целостность, символизм «инь-ян».

Имя американской писательницы китайского происхождения Эми Тан стало известно широкой публике в 1989 году после выхода её первого романа «Клуб радости и удачи». Персонажи Тан, юмористические и трогательные, сразу же полюбили читателей. В своих первых произведениях автор использует общую сюжетную канву: рассказчицы – молодые американки, родители которых иммигрировали из Китая, ищут пути для формирования собственной двойственной идентичности и, в итоге, находят примирение с культурой предков. Романами «Клуб радости и удачи» и «Жена бога кухни» Тан внесла значительный вклад в литературную трактовку динамики отношений между представителями разных поколений – матерью и дочерью. В своём третьем романе «Сто тайных чувств» автор переключает внимание на женщин одного поколения, рассматривая отношения между сёстрами в широком культурном контексте традиционного философского учения китайцев. Описывая семейную драму в рамках сестринской связи, Тан стремится выяснить, каким образом поколение сохраняет идентичность. В романе исследуется влияние сестринских отношений на развитие этнического сознания и идентичности.

В данной статье мы рассмотрим, каким образом использование образов и символики традиционной китайской культуры позволяет автору раскрыть характеры своих персонажей и реализовать основную идею романа.

Связь между двумя главными героинями романа – сводными сёстрами – полна двойственности, вызванной чувствами схожести и различия. Основные события в психологическом развитии Оливии, героини, рождённой в Америке, – расставание с Саймоном, отказ от наследства и отвержение сестры, чувство вины, растущее признание китайской культуры и её стремление к полноценным отношениям – связаны с сестрой Кван и их развивающимися отношениями. Кван становится проводником на пути Оливии к самой себе, то есть к признанию своих корней и этнической идентичности. Отношения сестёр основаны на принципе полярности. Кван выступает в качестве силы, несущей угрозу. Она воплощает различия между Востоком и Западом и в то же время открывает путь к более глубокой культурной пропасти, приоткрывая тайны китайской культуры. За исключением азиатских черт лица Оливия полно-

стью американка: она рациональна и скептична. При этом она осознаёт отсутствие прочных связей в её жизни и страдает от потери личностной идентичности. Очевидно, что личностный кризис Оливии вызван не семейной драмой, а отсутствием культурной целостности. Психологический портрет Оливии переплетается с проблемами формирования идентичности. Для Оливии Кван воплощает этническое и расовое начало, которое она не может ни принять, ни игнорировать. Неприязнь Оливии к сестре вызвана не ревностью и борьбой за внимание и любовь родителей, а расовыми и культурными различиями. Первое появление 18-летней Кван в романе вызывает у Оливии раздражение. Сестра неуклюжа и едва говорит по-английски, зато умеет общаться с призраками. Изо дня в день Кван пытается построить отношения с Оливией. Она рассказывает сестре о своей прошлой жизни, когда её звали Нунуму, о дружбе с американкой Нелли Баннер, присоединившейся к группе английских миссионеров во время восстания 1851 – 1864 годов. Нунуму спасла жизнь мисс Баннер, и своим героическим поступком взяла на себя ответственность за судьбу американки. Со временем Оливия перестаёт отличать собственные сны от рассказов сестры. Она понимает, что впитала знания о китайской культуре, но отказывается это признать.

Роман Тан изобилует ссылками и аллюзиями на ключевые понятия традиционной китайской философской мысли – «инь» и «ян», которые читатель встречает почти на каждой странице романа.

В «Книге перемен» («И цзин») ян и инь служили для выражения светлого и тёмного, твёрдого и мягкого. В процессе развития китайской философии ян и инь всё чаще символизировали взаимодействие крайних противоположностей: света и тьмы, дня и ночи, солнца и луны, неба и земли, жары и холода, положительного и отрицательного, чётного и нечётного. Исключительно абстрактное значение инь-ян получили в спекулятивных схемах неоконфуцианства, особенно в учении о «ли» – абсолютном законе. Концепция о взаимодействии полярных сил инь-ян, которые рассматриваются как основные космические силы движения, как первопричины постоянной изменчивости в природе, составляет главное содержание большинства диалектических схем китайских философов. Учение о дуализ-

ме сил инь-ян – неперменный элемент диалектических построений в китайской философии. Представления об инь-ян нашли также разнообразное применение в разработке теоретических основ китайской медицины, химии, музыки. Открытый в Китае несколько тысячелетий назад, этот принцип первоначально базировался на физическом мышлении. Однако по мере развития он стал метафизическим понятием. Единая изначальная материя порождает две противоположные субстанции – ян и инь, единые и неделимые. Первоначально «инь» означало «северный, теневой», а «ян» – «южный, солнечный склон горы». Позднее «инь» воспринималось как негативное, холодное, тёмное и женское, а «ян» – как позитивное, светлое, тёплое и мужское начало. Являясь фундаментальной моделью всего сущего, концепция инь-ян раскрывает два положения, объясняющих природу Дао. Во-первых, всё постоянно меняется. И, во-вторых, противоположности взаимно дополняют друг друга: не может быть чёрного без белого и наоборот. Таким образом, целью человеческого существования является баланс и гармония противоположностей [4].

В романе Эми Тан «Сто тайных чувств» мир инь и мир ян постоянно переплетаются. Как точно отметила Лаура Шапиро, «книга Тан словно голограмма: поверни в одну сторону – увидишь американцев китайского происхождения в магазинах Сан-Франциско; поверни в другую сторону – и жители маленькой китайской деревушки Чангмиань убегают в горы, спасаясь от Маньчжуров» [3]. Читатель легко обнаружит перекрёстные ссылки на один и тот же персонаж и его реинкарнацию в форме инь и ян. По мере углубления в сюжет мы видим, что голограмма инь-ян повторяется с закономерной цикличностью, которая указывает на бесконечное повествование, не имеющее чёткой иерархии. В рассказах Оливии, Кван – персонаж, который умеет читать и интерпретировать жизнь самой Оливии с помощью многочисленных образов мира инь. В то же время сама Оливия и её прежняя инкарнация является персонажем рассказов Кван в мире инь. Другими словами, два главных персонажа «создают» друг друга в своих повествованиях. Эти рассказы словно калейдоскоп переходят с одного уровня на другой, от одной формы существования к другой. Более того, рассказы переплетающихся жизней и смертей, охватывающие

два континента и два века, соединяются в цикл; все версии запряты в «шкатулку» рассказов и снов: «Я, полусонная, ловлю обрывки ускользающего мира, – говорит Оливия – а затем, возвращаясь в реальную действительность, чтобы поведать ей [Кван] о том, что я там увидела... Я устремляюсь ещё дальше, к предыдущему сновидению, и так без конца, тысяча жизней, которые зачастую обрываются смертью» [1, с. 40]. Сны Оливии и рассказы Кван так переплетены между собой, что различия между сном и явью, между рациональностью мира ян и иррациональностью мира инь стираются. Это переплетение имеет удивительные последствия. С одной стороны, загадочная голограмма связана с широкими культурными, эстетическими и духовными вопросами; с другой стороны, она предполагает, что, основываясь лишь на рационализме Запада, нельзя в полной мере постичь замысел автора. Во многом роман подрывает наше рациональное восприятие жизни, развивая мысль о необходимости постигать мир с помощью «тайных» чувств.

Переключаясь, рассказы Оливии и Кван, живущих в Сан-Франциско в XX веке, представляют собой воплощение их прежних жизней в китайской деревушке Чангмиань в XIX веке. Через сложную голограмму, задуманную автором, читатель понимает, что границы времени и пространства рушатся. Именно связь между Сан-Франциско и Чангмиань создаёт основу для развития сюжета и повествования. Через соотношение миров инь и ян Тан стремится передать более широкий взгляд на жизнь. Роман заставляет читателя пересмотреть своё обычное мировосприятие.

Непоколебимая вера Кван в мир призраков бросает вызов чувству реальности Оливии. Сначала Оливию раздражает постоянное общение Кван с людьми из мира Йинь: «Большую часть детства я старалась видеть мир не так, как его описывала Кван. Эти разговоры о призраках... Я так старалась придерживаться этих двух противоречивых мнений, что в результате начала видеть то, что не должна была видеть» [1, с. 66]. Дитя современной западной цивилизации, Оливия находится под влиянием научного взгляда на мир и вселенную, который подчёркивает важность реалий материального мира, пренебрегая духовными аспектами жизни. Мир Йинь, образно говоря, служит проводником для Оливии к её новому мироощущению:

«В самом деле, зачем подвергать сомнениям этот мир? Потому что я не китайка, как Кван. Для меня инь никогда не будет ян, или наоборот. Я не могу принять на веру две противоречащие друг другу истории» [1, с. 318]. Западный рационализм и материализм оставили Оливии ограниченный взгляд на мир, и она не может принять духовные ценности Востока, воплощённые в ментальности Кван. Рассказы Кван представляют альтернативный взгляд на мир, выдвигая на передний план «тайные» чувства – «чувства, связанные с основными инстинктами, которыми жили люди до изобретения языка и других, более сложных навыков – умения говорить двусмысленно, приносить извинения, лгать» [1, с. 273]. Именно эти «тайные» чувства наделяют Кван «глазами Йинь» – способностью общаться с призраками. Эти тайные чувства не только обеспечивают связь с теми, кого уже нет, но и затрагивают экстрасенсорный аспект человеческой жизни, за который не могут заглянуть ни врачи, ни учёные. В начале романа Оливия описывает, как группа врачей из Сан-Франциско ставят Кван диагноз: «Расценив китайских призраков как серьёзное психическое расстройство, её начали лечить электрошоком; она много плакала... До сих пор при воспоминании об этом, меня бросает в дрожь» [1, с. 24]. Тайные чувства, которые современная наука не может объяснить, связаны с загадочной, ускользающей частью человеческого существования. Хотя Оливия не может полностью разделить мироощущение Кван, она решает отправиться в Китай, погрузиться в мир тайных чувств и немного укротить своё неверие в призраков. Путешествие в Китай воплощает путь к самопознанию. В Китае Оливия начинает иначе относиться к рассказам Кван о реинкарнации. Она поражена, когда находит кувшины с утиными яйцами в саду Дома Призрака Купца в Чангмиане, которые, как утверждает Кван, она спрятала сто лет назад. В результате Оливия вынуждена смотреть на жизнь иначе – то есть глазами Йинь. Полагаясь на свои тайные чувства, Оливия начинает воспринимать то, что раньше не замечала – «свет внутри тьмы и тьму внутри света» [1, с. 457]. Признание неделимой сущности света и тьмы, инь и ян, рационального и иррационального позволяет Оливии более полно понять жизнь. Образ голограммы инь-ян воплощает взаимоотношения двух половин разделённого целого. В Чангмиане Оливия приходит к культурной

целостности: «Теперь, когда я здесь, мне кажется, что пелена, разделявшая две половины моей жизни, наконец рассеялась» [1, с. 264-265].

Образ голограммы обыгрывается автором и в названии родной деревни Кван. «Чангмиань» в китайском языке имеет два возможных значения, тем самым подчёркивая особенность образа жизни в этой деревне: «Чанг» значит «песня», «миань» – «шёлковая», что-то мягкое, тянущееся вечно, как нить. Мягкая нескончаемая песня. Но некоторые произносят «Чангмиань» с другой интонацией, тогда «чанг» означает «долгий», а «миань» – «сон». Долгий Сон – другое имя смерти [1, с. 355]. Подобная игра значений позволяет автору создать эффект противопоставления инь и ян, указывая на цикличность жизни и смерти. Более того, эта игра подразумевает переплетение хронологии и синхронности повествования. С помощью рассказов о прошлой жизни Оливия как бы выходит за границы собственного «я» в мир инь, который расширяет наше рациональное и эмпирически подтверждаемое представление о жизни и затрагивает её духовные стороны. Героиня движется от западного рационализма к холистическому восприятию мира, который не отрицает наличие других форм существования. Роман Тан описывает путешествие Оливии под руководством своей сестры Кван к более глубоким измерениям жизни и призывает читателя последовать за ними. Используя образ голограммы инь-ян Тан изображает стремление Оливии найти собственную идентичность. Предыдущая попытка познать жизнь посредством разума оказалась провальной: «Это было сродни тому, как, составив картинку из кусочков, обнаруживаешь, что получилась низкопробная репродукция, китч. Затраченные усилия привели к полному разочарованию» [1, с. 160-161]. Принимая мир инь-ян, Оливия в конце концов попадает за границы обычных чувств и односторонней рациональности, которая блокирует её внутренний взгляд.

Голограмма инь-ян перекликается с давней традицией мироощущения китайцев. Противопоставляя миры инь и ян и сопоставляя рациональные и иррациональные элементы жизни, роман создаёт образ более полного, вечного мира, в котором жизнь человека и его опыт лишь малая часть целого. Рационализм Оливии не позволяет ей полностью принять мир инь. Бли-

же к финалу романа Оливия находит музыкальную шкатулку, которую как утверждает Кван, она спрятала в прошлой жизни. Образ шкатулки не только выносит на передний план ряд эпистемологических вопросов, но и онтологию отношений между инь и ян, между реальным и нереальным. Кажется, Оливия достигла предела обычных чувств: «Если я верю тому, что говорит Кван, означает ли это, что я верю, что у неё глаза Йинь?» [1, с. 332].

Голограмма инь-ян не только создаёт контекст эмоционального и интеллектуального бессилия, которое тревожит Оливию, но и отсылает героиню к широкому культурному фону, чтобы помочь ей прийти к более глубокому измерению собственной идентичности. Оливия решает для себя вопросы существования мира инь в широком культурном контексте, поскольку среди прочего инь подразумевает национальные корни и глубины её идентичности.

В снах Оливии и рассказах Кван люди и события мира инь постоянно пересекаются с людьми из мира ян. Один из самых тревожных снов Оливии касается момента перед её смертью в прошлой жизни: «Мгновения, отделяющие жизнь от смерти, я никогда не забуду... Помню этот невыносимый мускусный запах, – мой собственный запах! – когда верёвка сдавила мне горло... тяжесть, которую я ощущала, паря в невесомой вышине... Я слышала собственный сдавленный крик, раздавшийся в момент, отделяющий жизнь от смерти» [1, с. 40]. Роман Тан выносит на передний план мистическую сторону человеческой жизни и возрождения. Автор полагает, что если мы отрицаем возможность цикличности жизни, сам смысл жизни будет частично утрачен. Рассматривая сны Оливии сквозь призму многоуровневых историй Кван о «смерти перед другой жизнью» [1, с. 61], читатель понимает то, что Оливия не признаёт: необходимость принять мир инь, который подразумевает её прежнее существование и связь с предками. Составляя голограмму из миров инь и ян, Тан расширяет представление читателя о жизни. С помощью своего дара общаться с призраками Кван помогает Оливии признать взаимообогащающую связь между инь и ян. Именно Кван учит Оливию смотреть на себя и на мир по-новому: «Она заморочила мне голову своими китайскими секретами, которые постепенно меняли моё представление о жизни»

[1, с. 20]. Установление связи между мирами рациональности и иррациональности помогает Оливии признать собственную идентичность как часть культуры своих предков. В финале романа, завершив всю историю о своей прошлой жизни, Кван говорит Оливии: «Теперь ты знаешь все мои тайны. Моя душа спокойна» [1, с. 443]. С этими словами Кван таинственно исчезает в пещерах Чангмианя. Мистическое исчезновение Кван отсылает читателя к традиционной китайской сказке, в которой придворный архитектор, убегая от гнева своего императора, открывает дверь в чертеже созданного им дворца, и исчезает. Когда Кван, подобно китайскому архитектору, входит в пещеру из своих собственных рассказов и исчезает в мире инь, у читателя создаётся впечатление, что реальный и нереальный миры переплетаются. С одной стороны, отношения инь-ян таинственны и загадочны, с другой – разгадка может быть не так уж далека от нас: «Теперь я верю, что истина заключена не в логическом обосновании того или иного явления, а в надежде – и прошлой, и будущей. Я верю в то, что надежда однажды сможет преподнести сюрприз. Она преодолет все преграды, все противоречия и, конечно, все разумные доводы, согласно которым можно полагаться только на доказанные факты» [1, с. 457]. Роман Тан побуждает читателя войти в мир чувственного опыта и искать смысл жизни в гармонии инь и ян, обычного и тайного. Образ голограммы в романе усиливает идею сосуществования, взаимодействия и взаимной зависимости двух точек зрения. Роман – это не сборник разрозненных фрагментов, а произведение, в котором происходит внутренний диалог между двумя мирами. Автор ведёт читателя к пониманию менталитета и мироощущения китайцев, в основе которых лежит принцип полярности, а не оппозиции или конфликта. В других культурах свет противопоставляется тьме, жизнь – смерти. Однако в китайской традиции это не так. Искусство жизни состоит в нахождении равновесия между инь и ян: через мир инь мы постигаем мир ян и наоборот. Понятие неделимости и взаимной зависимости помогает читателю понять смысл голограммы Тан, которая включает существующее и несуществующее, жизнь и смерть, инь и ян. Противопоставляя и заменяя рациональное иррациональным, роман говорит читателю что, «мир – это не строго ограниченное пространство, а безграничность души» [1, с. 458].

Список литературы

1. Эми Тан. Сто тайных чувств: Роман / Пер. с англ. А. Патрикеевой. М.: Б.С.Г. ПРЕСС, 2003. 458 с.
2. B. Zhang. Reading Amy Tan's Hologram: The Hundred Secret Senses // International Fiction Review, vol. 31. № 1,2. 2004.
3. L. Shapiro. Ghost Story. Newsweek 126. 19, 6 November 1995: 91.
4. [http://www.wikipedia.org/ yin and yang](http://www.wikipedia.org/yin_and_yang) (accessed 14 August 2016)

Об авторе

Каравасва Екатерина Михайловна – кандидат филологических наук (специальность 10.01.03 – литература народов стран зарубежья (литература народов Европы и Америки), доцент кафедры английского языка №2, МГИМО. E-mail: gazoprovod-24@yandex.ru.

“THE WORLD IS NOT A PLACE BUT THE VASTNESS OF THE SOUL”: YIN AND YANG SYMBOLS IN AMY TAN’S “THE HUNDRED SECRET SENSES”

E.M. Karavaeva

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *In her third novel The Hundred Secret Senses Amy Tan explores a half-sisters' relationship against the broad cultural background making use of traditional Chinese beliefs and symbols. The image of yin-yang hologram presented in Tan's novel highlights the coexistence and interaction of two perspectives that express simultaneously the various contents of the worlds within a single work. The novel recognizes the nature of yin/yang multiplicity and balance. By juxtaposing both rational and irrational elements of life Tan seems to tell us that "the world is not a place but the vastness of the soul".*

Key Words: Asian-American ethnic literature, Amy Tan, ethnic and cultural identity, self-identification, yin-yang symbols.

References

1. Amy Tan. Sto tainykh chuvstv [The hundred Secret Senses]: Roman/ per. s angl. A. Patrikееvoy. M.: B.S.G.PRESS, 2003. 458 p.
2. B. Zhang. Reading Amy Tan's Hologram: The Hundred Secret Senses // International Fiction Review, vol. 31. № 1,2. 2004.
3. L. Shapiro. Ghost Story. Newsweek 126. 19, 6 November 1995: 91.
4. [http://www.wikipedia.org/ yin and yang](http://www.wikipedia.org/yin_and_yang) (accessed 14 August 2016)

About the author

Karavaeva Ekaterina Mikhailovna – PhD (Foreign Literature), Associate Professor, MGIMO University.
E-mail: gazoprovod-24@yandex.ru.

* * *